 DOI: 10.7816 /idil-07-45-03

МЕТАМОРФОЗЫ СМЫСЛА, ИЛИ ЧТО МЫ ПОНИМАЕМ ПОД ГЕНДЕРОМ?

Алла Архангельская

DrSc., professor. Palacky University, alla.arkhanhelska(at)upol.cz; alla_arkhanhelska(at)yahoo.com

Keywords: *gender, sex, lan-guage, communi-cation, linguistic correctness, determinologisation, wid-ening the notional component, linguis-tic consciousness of*

The paper deals with the problems of correctness of the use of terms “sex” and “gender” in linguistic genderology. The paper provides an understanding of the term “gender” within the anthropo-oriented poly-paradigmatic investigation in Slavic linguistics, studies the ratio of terms “sex” and “gender” and analyses the metalanguage of biological and sociocultural gender in both Slavic and Russian linguistic description. The paper illustrates the word-formation and syntagmatic characteristics of the term “gender” and its meaning modifications in the process of the secondary term-formation. In modern scientific discourse, the appropriateness of the use of the term “gender” and its derivatives is analysed. Perception and interpretation of the word “gender” and widening its notional and expressive component in Russian society and the linguistic consciousness of native Russian speakers are considered here a fact of determinologisation and reflection of the current picture of the world of native Russian speakers. The investigation is made on the material of printed and electronic MASS-MEDIA, blog posts and Internet-forums.

METAMORPHOSES OF MEANING, OR WHAT WE MEAN BY GENDER

ABSTRACT

Ключевые слова: *гендер, пол, язык, коммуникация, лингвистическая корректность,*

Статья посвящена проблемам корректности употребления терминов пол и гендер в лингвистической гендерологии. В статье представлено понимание термина гендер в парадигме антропоориентированных полипарадигмальных исследований в славянском языкознании, изучено соотношение терминов гендер и пол, проанализирован метаязык биологического и социокультурного пола в славянском и русскоязычном лингвистическом описании. Проиллюстрированы словообразовательные и синтагматические возможности термина гендер, его смысловые модификации в процессе вторичного терминообразования. Критически проанализирована целесообразность употребления термина гендер и его производных в современном научном дискурсе. Восприятие и интерпретация слова гендер, расширение его понятийной и эмоционально-экспрессивной составляющей в российском обществе и языковом сознании русских рассмотрены как факт детерминологизации и отражения современной картины мира носителей русского языка на материале текстов печатных и электронных СМИ, блогов и интернет-форумов.

 DOI: 10.7816 /idil-07-45-03

Слово, будучи ведущим началом в познании мира человеком
и объединяющим началом в деятельности людей,
требует к себе внимательного отношения и осторожного обращения.
Л. П. Лобанова.

Введение.

Дебаты по поводу корректности употребления термина гендер в лингвистике совпадают с основной линией обсуждения этой проблемы в гендерных исследованиях, известных высокой мерой полипарадигмальности. Казалось бы, эта бесконечная дискуссия уже изрядно набила оскомину, однако вопрос о том, что в языке можно увидеть и понять через пол и нужен ли нам для этого гендер, в современной науке никоим образом не относится к числу решенных.

Импортированный на русскую почву термин *gender* в значении «грамматический род», понимаемый в антропоцентрическом ключе, изначально заключал в себе биологический пол, ведь относительно наименований лица в языке имеет место взаимодействие грамматического и естественного рода (пола). В свое время он был выведен из метаязыка лингвистики и перенесен в исследовательское поле социальной философии, социологии, истории, политологии, музыковедения и других наук. В метаязыке естественных наук этот смысловой компонент был деактуализирован и сведен к нулю с целью «уйти» от термина *sexus* и его семантики «биологический пол», ведь гендерный подход основан на идее о том, что важны не биологические или физические различия между мужчиной и женщиной, а то культурное и социальное значение, которое придает этим различиям общество. Термин гендер оказался как нельзя уместным, поскольку призван был подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий (Словарь гендерных терминов 2002: 24, Кирилина 2005: 8). В языкознание термин *гендер возвращается несколько позднее, уже из социальных наук и в новом для него значении* в связи с выходом гендерных исследований в междисциплинарную плоскость. При этом понятие гендер в англоязычной лингвистической литературе продолжает функционировать и в своем «старом» значении.

А.В. Кирилина (Кирилина 2005: 8-14) неслучайно настаивает на необходимости выяснить, каково соотношение понятий пол и гендер именно в области языкознания, ведь вполне очевидно, что их функционирование в лингвистических исследованиях отличается от ситуации в других общественных науках, занимающихся проблемами гендера. Если в исследовательском поле гуманитарных наук использование термина гендер мотивировано желанием дистанцироваться от термина *sexus* «биологический пол», так как это понятие определяет природную детерминированность не только телесных, но и социокультурных различий между мужчиной и женщиной, то в лингвистике от термина пол уйти не удастся: в языке отражена поло-гендерная система, которая находится под существенным влиянием системы языка, где пол и гендер включены во взаимоотношения с грамматическим родом (речь о родовых языках, к которым относятся и славянские). Кроме того, в различных случаях возможна различная актуализация пола и гендера, в частности, и деактуализация. К полу, как и к гендеру следует относиться как к «параметрам переменной интенсивности», т. н. «плавающим параметрам» (термин А.В. Кирилиной) (Кирилина 2004: 99). Язык отражает зна́чимые для данной культуры параметры, следовательно, нечеткое разграничение по полу, бóльшая вариативность способов выражения (или невыражения) пола могут означать его нерелевантность во многих наименованиях лица и коммуникативных ситуациях. А. Кирилина и Н. Добровольский допускают: возможно, в коллективном сознании представителей разных культур пол человека значим в разной степени, как и психологическая связь пола и категории рода. К примеру, деактуализируется пол у маскулинизмов в генерализирующей функции (профессия учитель, каждый житель знает) или у слов общего рода (невежда) (Добровольский et al. 2000: 35). А. Вежбицкая пишет о русских личных именах, где на представительном материале убедительно показывает, что в экспрессивных формах личных имен пол носителя языка практически не отражается (ср. Маша vs Ваня) (Вежбицкая 1996). Работы Шт. Хиршауера и Х. Коттхофр также свидетельствуют в пользу того, что пол не всегда одинаково значим (Herschauer 1993; Kotthoff 1996).

Пол человека – одна из важнейших его как

экзистенциальных, так и общественно и культурно значимых характеристик, во многом определяющих социальную, культурную, когнитивную ориентацию личности в мире, в частности и посредством языка. Понятие *пол* (sexus) отражено в наивной картине мира, в которой отсутствует понимание социокультурной его составляющей. Язык фиксирует наивную картину мира и отражение в ней телесной метафоры (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону). Гендер же – элемент современной научной модели человека: исследуя структуры языка, связанные с полом, лингвисты исходят сегодня из его социальной и культурной, а не только природной обусловленности. Но в самом языке, в его лексических значениях, за исключением научного дискурса, представлен именно пол (sexus) (Кирилина 2005: 28). Общий для многих лингвистик тезис «человек в языке» и «язык в человеке» ориентирован на установление и описание механизмов антропоориентированности языка, что вполне согласуется с анализом человека с точки зрения гендера (Кирилина 2005: 26). Изучение мужественности и женственности как двух ипостасей человеческого бытия в пространстве языка ориентировано на семантику пола, на мужское и женское в системе родовых значений, на мужской и женский денотат в теории номинации и мужской и женский референт в тексте и дискурсе, на мужские и женские маркеры в фонетике, лексике, фразеологии, словообразовании, морфологии и синтаксисе, на мужское и женское на уровне вербальных и стереотипов, вербального и невербального коммуникативного поведения представителей обоих полов.

Термин ГЕНДЕР и его понимание в языкознании.

Сегодня в языкознании прослеживается более-менее четкое разделение векторов изучения гендера:

1. Язык и механизмы репрезентации в нем пола: описание и объяснение того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола на материале номинативной системы, лексикона, словообразования, морфологии и ее категорий, главным образом категории рода, синтаксиса и т. п.; какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее отчетливо выражены. К этому вектору исследований примыкает и ориентация на концептуальную сферу, на когнитивно-познавательные факторы, определяемые гендером как социокультурным полом, на систему представлений о мужественности и женственности как фрагментах концептуальной картины мира и их отражение в единицах языка как социокультурного феномена.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин: типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, морфологических форм, синтаксических конструкций и т. д. – т. е. специфика мужского и женского говорения, дискурса, шире – вербальной и невербальной коммуникации.

О трудностях, связанных с употреблением термина гендер, сказано немало. А.В. Кирилина определяет гендер как более точный термин: пол относится к биологическим различиям, гендер является термином, используемым для описания социально сконструированных категорий, основанных на различиях полов ввиду того, что большинство обществ оперирует понятиями «мужское» и «женское». Тем не менее термин гендер несовершенен из-за существования эквивалентного понятия в лингвистике[1].

Для славянских языков подобное явление терминологической дисемии свойственно в различной степени. Русский язык имеет пару секс – пол, украинский секс – стать, где секс (от лат. *sexus* – пол) в широком смысле – деятельность особи, направленная на реализацию инстинкта размножения, продолжения рода. В узком – совокупность психических и физиологических реакций человека, переживаний и поступков, связанных со стремлением проявить и удовлетворить половое влечение[2]. Этот факт, по мнению А.В. Кирилиной, несколько «разгружает» слово пол, с одной стороны, и делает достаточно удобным применение термина

1 Такие трудности возникают не только у англоязычных исследователей из-за существующих эквивалентных понятий в лингвистике. Дж. Коатс в работе «Женщина, мужчина и язык» (Перевод А. Коноваловой) не случайно использует термин пол, а не гендер (Кирилина 2005: 233-234).

2 Слово *sex* в английском языке появилось в конце XIV в., обозначая половую принадлежность особей того или иного вида (этимологически от лат. *sexus* «пол, род», связано с семантикой «разделение», ср. *seco* «деление, половина рода»; это объединяет слово *sexus* с *secare* разделять – разрубать» и первичным значением «отделение, деление» (Етимологічний словник української мови 2006: 206).

гендер, который не пересекается с иными языковыми категориями (Кирилина 2005: 8). В чешском языке ситуация несколько иная: здесь латинский термин *sexus* (пол) используется в первичном значении как синоним чешского эквивалента *pohlaví*, а также в значении «секс». Для обозначения понятия гендер академическая часть чешского научного сообщества предлагает использовать термин *rod*. На использовании именно этого термина настаивает Ф. Данеш, поскольку это слово терминологически связано с категорией грамматической (gramatický rod, genus), которая, в свою очередь, коррелирует с родом биологическим, естественным, что выражается в корреляции род – пол. Ученый уверен, что здесь речь идет лишь об определенных социальных аспектах биологического пола, а не о каких-то особых различиях (Daneš 1997: 256-259). С. Чмейркова убеждена, что род биологический (sexus), род грамматический (genus) и род социокультурный (rod) связаны с культурными и социальными концептами, которые коррелируют в истории культуры и современного общества с биологическим родом (Čmejrková 2002: 263). При этом чешские феминистки, представительницы и представители феминистской критики языка, отождествляющие себя с гендерной лингвистикой, принципиально не согласны с таким подходом и термином *rod* – в их работах используется исключительно термин *gender* (Valdrová 1997; Věšínová 1998; Vaculín 2000 и др.). В некоторых незаангажированных исследованиях в области языкознания и социальных наук *rod (gender)* используются в паре (Zabrodská 2009). Термин род в значении «гендер» употребляется в словацком[3], македонском и других славянских языках. В польском языкознании употребляется термин пол – *płc*, поэтому название научной дисциплины, изучающей отражение пола в языке и коммуникации, именуется *lingwistika płci* (Karwatowska et al. 2005). В русской лингвистике имеем целый комплекс терминов, имеющих отношение к эквивалентам понятия гендер: гендер, пол, социальный пол, социокультурный пол, половой диморфизм, биосоциальные (биокультурные*) характеристики человека*.

Отношение к термину гендер в научном сообществе неоднозначное. С. Ушакин еще в 90-х годах прошлого века предлагал вообще отказаться от понятия гендер и введения его в научный обиход, настаивая на его избыточности и замене категорией пола с учетом русской философской традиции в терминах биологический пол – социальный пол, поскольку пол в русском научном дискурсе может выражать взаимосвязь как между биологическими параметрами личности, так и социально обусловленными способами личной репрезентации, а термин *половая*[4] *идентичность* использовать для обозначения моделирования личностью своего поведения в соответствии (или несоответствии) с социально обусловленным каноном для лиц разного пола (Ушакин 1999). Такую точку зрения поддерживал и О.В. Рябов: Синонимом термина «гендер» является понятие социокультурного пола, где подчеркивается культурно-символическая его составляющая; пол состоит из биологического пола и социокультурного пола, в котором, в свою очередь, должны быть различаемы социальная и культурно-символическая составляющая. При этом пол и гендер соотносятся между собой не как род и вид, а как целое и часть (Рябов 2001: 11-12). Употребление термина гендер, по мнению А. Першая, вызывает недовольство некоторых ученых в силу его неблагозвучности. Однако здесь трудно говорить о «сопротивлении» терминологической системы постсоветского языкознания, выраженном в форме «борьбы за чистоту языка» (Першай 2002: 240).

Лингвистическая семантика и теория номинации задолго до введения в научный оборот термина гендер не игнорировала отражение в языке пола (sexus) с точки зрения и биологической, и социокультурной его составляющей. Славянское языкознание уделяло этому вопросу значительное внимание еще с начала 30-х годов XX века: в русском языкознании это прежде всего работа М.Я. Немировского (Немировский 1938), в украинском – В. Симовича (Сімович 1934), позже И. Ковалика, И. Фекеты (Ковалик 1958: Фекета 1975), в чешском – многочисленные непревзойденные труды

3 Ср. перевод названия книги Дж. Батлер на словаций язык: «Trmapoty s rodom: Feminismus a podrývanie identity» (пер. с англ. Jana Juránová). Bratislava: Aspekt 2003).

4 В отличие от слова *пол,* прилагательное *половой* больше связано с сексуальностью, поэтому номинация *гендерный,* как показали наблюдения А. В. Кирилиной, нередко употребляется в качестве эвфемизма для слова *половой* (ср.: *гендерные отношения — половые отношения)*. Таким образом, предпочтительными номинации *гендер* и *гендерный* оказываются тогда, когда они употребляются в контекстах, где русские слова *пол* и *половой* могут быть интерпретированы как относящиеся к сексуальной сфере (Кирилина 2000: 21).

Ф. Обепфальцера (Йилека) (Oberpfalcer 1933), исследования П. Айснера (Eisner 1946), В. Шмилауера (Šmilauer 1971), А. Грегора (Gregor 1956), в польском – труды Я. Бистроня и В. Дорошевского (Bystoń 1927; Doroszewski 1948). Нельзя в этой связи не вспомнить и о работе А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», изданной впервые в 1875 году (Потебня 1968). Рассмотрение и глубина анализа проблемы существенно отличались от феминистской (и гендерной) постановки вопроса высокой научной корректностью, максимальной доказательностью, существенным учетом как собственно лингвальных (аналогии, фонетических закономерностей и т.п.), так и экстралингвальных факторов в возникновении наименований мужского и женского пола и, что наиболее важно, – идеологической незаагажированностью. Заметим, что и в наше время многие ученые отдают предпочтение термину пол (М. Кронгауз, А.М. Шахмайкин, В.С. Золотова, Н.А. Янко-Триницкая, Г.П. Нещименко, А.А. Загнитко, А.Б. Копелиович, Е.Н. Шендельс).

Это сладкое слово гендер…

Тем не менее этот экзотический для славянского языкознания термин оказался на удивление живучим и востребованным. С формальной точки зрения он однословен, краток, лаконичен и удобен в употреблении. Он очень лабилен, обнаруживает широкие словообразовательные и синтагматические потенции.

Всовременномнаучномдискурсегендерпорождает многочисленные словообразовательные производные и выявляет широкую сочетаемость: гендерная лингвистика (история, психология, социология и т. п.), гендерный аспект, гендерная маркированность, *гендерный маркер* (компонент, показатель, идентификатор), гендерный анализ, гендерная парадигма, гендерная доминанта, гендерная принадлежность, гендерная идентичность, гендерный стереотип, гендерная поляризация, гендерный критерий, гендерная (само)идентификация, гендерный «профиль», гендерное неравенство, гендерная дискриминация, гендерная стратификация (страта), гендерный терминологический аппарат, гендерная культура, гендерная картина мира, гендерная конструируемость, *гендерная* конвенциональность, *гендерная информативность*, *гендерная репрезентативность*, *гендерная* мотивированность/немотивированность, *гендерная лакуна*, *гендерная вежливость*, *гендерный жаргон* и проч.

Компонент гендер- стал одним из формантов в образовании новых терминов и терминосочетаний: гендерность, гендергетика, гендерология, гендерист, гендеристка, *трансгендер*, квир-*гендер* (гендерквир), трансгендерность, гендерлект, гендерленд, псевдогендерный, межгендерная коммуникация, кросс-*гендерный*, квир-*гендерный*, *анти-гендерный*, гендер гепы (продвинутая версия феминативов, нижнее подчеркивание типа ремеслен_ниц_а с целью повышения видимости угнетенной группы в обществе), гендерно чувствительный, гендерно ориентированное поведение, гендерно релевантная информация, гендеризованные языки и даже социогендерные отношения.

Антроморфизация понятия привела к тому, что в русском «гендерязе» гендер может быть эгоистичный, беспощадный, он встраивается, развивается, распространяется, доминирует, врывается, охватывает, завоевывает пространство, разоблачает и т.п.

Так что же мы понимаем под гендером? Ведь во многих приведенных выше терминах и терминосочетаниях не принимаются во внимание весьма существенные категориальные особенности пола и гендера: и гендер, и пол – экстралингвистические категории, однако категория гендера ориентируется на неязыковые (социальные и культурные характеристики пола), в то время как категория пола в родовых языках чрезвычайно тесно сопряжена с грамматической категорией рода, включающей в себя в системе наименования лица как биологические, так и культурные составляющие. Однако речь об уместности употребления этого заманчиво-модного термина в исследованиях лингвистического характера. Всегда ли то, что в них именуется термином гендер и его производными, на самом деле соответствует тому, что вкладывается в его понимание. Пол и гендер – синонимы или все же различные слова? Насколько они соотносительны и взаимозаменяемы в лингвистических исследованиях? В одной из своих работ А. Першай приходит к выводу, что постсоветская гендерная лингвистика – это наука о языке,

рассматривающая скорее не гендер, «отражение пола» (Першай 2002: 248).

Вопрос не праздный – в современных исследованиях встречаем параллельное употребление этих терминов, их смешение, а также наделение терминов гендер. гендерный несвойственной им семантикой. Обратимся к примерам. А.В. Вандышева утверждает: ее исследование показало, что весьма распространены ситуации и контексты, в которых пол не играет существенной роли, поэтому следует учитывать фактор гендерной нейтральности (Вандышева 2007: 8). Далее автор говорит о «двойной гендерной принадлежности» номинантов Роман Полански и Моника Левински, о гендерной маркированности имен Саша, Миша. Здесь речь идет о гендерной, или все же родо-половой маркированности собственных имен? Есть ли основания говорить о родо-половых маркерах собственных имен лиц мужского и женского пола как о гендерной принадлежности? И как вообще нечто, что не есть человеком, может иметь гендерную принадлежность?[5] Далее автор утверждает, что *she* в английском языке – гендерный (а не родо-половой) маркер, а гендерно нейтральными считает единицы, употребляемые по отношению к лицам обоих полов (Вандышева 2007: 17). Чем тогда отличается гендерно маркированная единица от единицы с гендерным компонентом? Позволим себе процитировать еще одно высказывание автора, который в примере «Он двинулся по коридору, и лишь одинокий скучающий голос-ок долетел до него из дамской комнаты, когда-то полной щебетанья» уменьшительный суффикс -ок называет гендерным маркером, позволяющим понять, что речь идет о молодых женщинах (Вандышева 2007: 17). Изучая способы выражения пола в неродовых языках (кумыкский язык тюркско-татарской группы), У. Т. Абдуллаева называет свое исследование «Гендерный аспект кумыкского языка…» (Абдуллаева 2009). Спрашиваем себя далее: можно ли считать особенности мужской письменной речи, в частности, тот факт, что предложения, употребленные мужчинами, короче «женских», или же то, что мужчины употребляют бóльшее количество качественных и притяжательных прилагательных, их гендерной (читай – социокультурной) особенностью? (Дробышева 2008).

Обратимся к работе А.А. Григоряна «О лимитирующей функции гендера в сфере частей речи» (Григорян 2002). Изучая вопрос о поло-референтной соотнесенности английских глаголов, автор утверждает, что это гендерные особенности, поскольку в «чисто грамматическую» проблему вмешиваются иные несобственно-лингвистические явления, приводящие к языковой асимметрии», они же – дискриминативные доминанты общественного сознания. Автор также находит среди глаголов гендерно маркированные, сексистские по отношению к женщине формы (формы страдательного залога) и утверждает, что анализируемые им слова и глагольные формы «перегружены гендерным багажом» (Григорян 2002: 91, 95-96). Еще одна работа грамматического плана того же автора имеет название «О гендерной маркированности имен существительных…» (Григорян 2001).

В.Н. Страусов, с одной стороны, настаивает на необходимости разделять понятия пола и гендера: термин пол следует использовать при изучении биологических особенностей индивида, гендер – при обсуждении социальных, психологических, культурных черт, норм, стереотипов, считающихся в определенном социуме типичными и желательными для мужчин и женщин, с другой стороны, при специальном описании особенностей орфоэпии, номинативной системы, специальных маркеров на уровне морфем атрибутирует эту специфику именно как гендерную: «мужчины и женщины по-разному интонируют свою речь, и, следовательно, должны существовать не абстрактные стандарты, а гендерно обусловленные, что имеет немаловажное значение для лингводидактики» и далее: «известно, что во многих языках глаголы в форме прошедшего времени гендерно маркированы» (Страусов 2008). Такую же мысль находим и у В. Труба: гендерная специфика глаголов состоит в согласовании глагольных форм единственного числа прошедшего времени с грамматическим родом существительного и местоимения. Данный факт квалифицируется как гендерная асимметрия, которая далее рассматривается как емкое и экспрессивное

5 В некоторых работах исследователи говорят не только о гендерной принадлежности мифических персонажей традиционной культуры, но и о гендере у животных.

 DOI: 10.7816 /idil-07-45-03

средство идеологической концептуализации и гендерной маркированности (Труб 2006: 289-290).

Какого типа гендерные отношения выражает приведенный А. Першаем фразеологизм в костюме Адама «нагишом, без всякой одежды»? Ведь далее сам автор говорит о наличии в дефиниции ФЕ семы пола + сема обозначаемого признака «мужчина» + «голый» (Першай 2002). Есть ли основания говорить о гендерном маркере слова балагур, который «не имеет противочлена и именует лицо только мужского пола», или здесь все же идет речь о родо-половых маркерах референции? (Гриценко 2005: 41, см. также Страусов 2008).

Факты родо-половой транспозиции во французском языке типа *une femmelette* (букв. бабенка) «о мужчине; баба, рохля»» Т.М. Белова называет гендерной метафорой (Белова 2007). Заметим, что А.В. Кирилина и М.В. Томская определяют гендерную метафору как «перенесение всей совокупности свойств, приписываемых культурой мужественности и женственности, на предметы и явления, с полом не связанные» (разрядка наша – А.А.) (Кирилина et al. 2005). Разворачивая понятие гендерной метафоры, Т.М. Белова отождествляет ее с метафорой пола (Белова 2007: 10), но ранее вводит термины гендерная языковая метафора и гендерная речевая метафора, которые представляют собой закрепленные в языковой форме и употребляемые в речи вторичные наименования мужчины (Белова 2007: 7). В такой метафоре должно быть, по ее мнению, имплицировано или эксплицировано наличие гендерной семантики: к примеру, гендерная языковая метафора, возникшая путем переноса названия предмета на «образ мужчины» *unt lavette* (букв. тряпка) «о слабом, бесхарактерном мужчине», и гендерная речевая метафора – *la figure de proue* (букв. носовая часть корабля), перен. «выдающаяся личность» или *ours* (букв. медведь) перен. «нелюдим». Но почему референтная соотнесенность с лицом мужского пола – это гендерная метафора? В чем состоит социокультурная составляющая маскулинности у слова нелюдим? В одной из своих работ Дж. Скотт упоминает, что в некоторых англоязычных изданиях под термином гендер понималась женщина. А нелюдим - это «мужская» гендерна метафора? И насколько важную роль она играет в формировании «гендерного языкового и речевого образа мужчины» (Белова 2007: 10)? Фактически гендерной в исследовании Т. М. Беловой является только метафора *une femmelette* (букв. бабенка) «о мужчине; баба, рохля», ведь понятие гендер обозначает совокупность культурных норм, правил и ролей, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Здесь действительно имеет место родо-половая транспозиция.

А.В. Вандышева в анализе процесса гендерной метафоризации выделяет гендерную метафору (в понимании А. В. Кирилиной и М. В. Томской): Солнце – прекрасная леди и биологическую метафору пола как результат перенесения биологических, духовных качеств одного пола на описание противоположного пола (Вандышева 2007). Здесь у нас возникает вопрос о форме и содержании термина биологическая метафора пола. Находим в современных работах и термин межгендерное общение (имеется в виду общение мужчин с женщинами) (Борисенко 2003; Шутова (без даты публикации) и др.). К сожалению, в научных работах обнаруживаем и иные не менее проблемные с точки зрения здравой логики термины. К примеру, термин социогендерный (ср. гендер – социокультурный пол, гендерный – связанный с социокультурной составляющей пола – А.А.), появившийся в начале 90-х годов в метаязыке социологов, которые его, в свою очередь, позаимствовали из метаязыка «традиционного, реалистического феминизма» (Силасте 1994). Этот термин сегодня встречается в многих работах феминистски ориентированных исследователей социологии, права, культуры, включая и вопросы женских стратегий руководства и коммуникации.

В заглавиях диссертационных работ, в названиях научных статей и их содержании обнаруживаем: гендерный рекламный текст, гендерно ориентированная лексика, маскулинная гендерная референция, гендерные стереотипы в мифологемах (гендер в вербализации мифологических образов, гендер мифических персонажей), гендерно маркированные и даже гендерно управляемые фразеологизмы, гендерно корректный номинант, гендерно корректное речевое поведение, маскулинный *и* фемининный гендерный дискурс, гендерность (=актуализация гендерных стереоти-

DOI: 10.7816 /idil-07-45-03

пов), гендерная амбивалентость (факты родо-половой транспозиции), гендерные особенности выражения пространства средствами языка, гендерный жаргон т.п.

Сколько же еще обнаружится ликов у гендера и что еще в языкознании можно обозначить этим вездесущим термином? Ведь при гендерном подходе все же следует сосредоточиться на соотношении грамматического рода, биологического пола и социокультурной их составляющей, на репрезентации такого соотношения средствами языка, на различного рода коннотациях, которые таким единицам сопутствуют, на интерпретации пола человека обществом в зависимости от осознания им понятий мужественность и женственность.

Во всех единицах языка, которые являются антропоориентированными, в различном виде и в различном статусе присутствует сема «пол», коль эти единицы или денотативно, или референтно сориентированы на человека, на обозначение лица. Речь идет о всех без исключения языковых единицах, именующих или характеризующих человека: лексических, фразеологических, о словообразовательных и формообразующих формантах как значимых единицах языка с семантикой пола, о морфологических и синтаксических конструкциях, эксплицирующих семантику рода и пола. Что касается вопросов роли пола в коммуникации, в дискурсивных практиках, в особенностях восприятия и интерпретации социокультурных представлений о маскулинном и феминином, передачи информации и под., то здесь тоже фактически речь идет о пол-гендерном факторе, поскольку наличие дифференциальных признаков в речи мужчин и женщин оказывается в значительной мере обусловленным половой принадлежностью и социальным статусом. Оказывается, что все это оптом и в розницу – гендер. А ведь во многих случаях речь идет не о гендере как таковом, а о гендерной (читай – социокультурной) составляющей пола и ее различных проявлениях в языке и коммуникации или же о родо-половой характеристике единицы языка и ее референции.

Аналогичную ситуацию со смешиванием пола и гендера в отечественной психологии, социологии и психофизиологии исчерпывающе иллюстрирует Е.П. Ильин в книге «Пол и гендер», вышедшей в 2016 году в Санкт-Петербурге. Во фрагменте введения, названном «Пол и гендер – одно и то же или это разные понятия?», автор настаивает: пол и гендер – разные феномены, приводя в качестве одного из многочисленных аргументов высказывание И.В. Древаль на круглом столе «Гендерные исследования: цели и результаты» (2001 г.): «Пол – это раздетые мужчина и женщина, а гендер – уже одетые» (Ильин 2016: 13-18).

В то же самое время мы осознаем всю сложность обозначенной проблемы в контексте множественности описаний гендера как социокультурной составляющей пола. Нельзя не согласиться с А. В. Кирилиной в том, что лингвистическая семантика никогда не игнорировала понятия пол в значении sexus. С другой стороны, аргументируя перспективы гендерных исследований в языкознании, автор постоянно пытается ограничить эту сферу языковых единиц: семантический компонент пол входит в значение многих лексем (мужчина, женщина, отец, мать и др.), но эти значения отражают лишь «экзистенциальные параметры индивида» (Кирилина 2005: 8). Гендер является в ее понимании более широким понятием, для изучения которого необходимо исследовать значительно более количество феноменов языка, нежели те единицы, в семантику которых входит пол. Например, то, как интерпретируется пол обществом в зависимости от осознания им понятий мужественность и женственность. На самом деле во всех без исключения антропоориентированных единицах языка в различном виде и в различном статусе присутствует сема пол, он поразному «высвечивается» в их семантической структуре и в различной степени обуславливается социокультурными детерминантами пола. В семантику и прагматику различных единиц языка и речи пол «встраивается» поразному, он может присутствовать как на семантическом, так и на формальном уровне, сема пола может быть расчлененной и нерасчлененной, иметь различный статус в иерархии сем, может быть реальной или потенциальной, эксплицированной и имплицированной, иметь выход в фоновые знания носителей языка, как «плавающий параметр», она может представать в нерасчлененном виде. В одних случаях, когда социокультурная его

составляющая имеет незначительный вес, есть основания говорить о родо-половых его проявлениях, в других случаях, когда идет речь доминирующей роли социокультурной составляющих бинома пола – о поло-гендерных, если мы все же хотим остаться у такого удобного в применении термина гендер. В работе А.Г. Кировой читаем: «Слово пол во многих работах употребляется наравне с понятием гендер: контекст позволяет понять, в каких случаях речь идет о биологических, а в каких – о социально обусловленных его аспектах» (Кирова 2009: 139). Однако, как следует из приведенных выше примеров, контекст далеко не всегда позволяет это понять. «Жонглирование» термином гендер, образование авторами работ бесчисленных терминосочетаний с этим компонентом, имеющих целью придать исследованию бóльшую научность, только запутывает и без того сложный клубок проблем, окружающих в языкознании соотношение терминов пол и гендер. Смешение этих неравновеликих понятий никоим образом не способствует верификации полученных данных, а именно в этом – главнейшая ценность исследования языка и речи в свете гендера.

Вспомним в этой связи Конфуция, который настаивал на необходимости срочного «выправления имен», т.е. уточнения слов, символов и понятий, «очищении» их от идеологических наслоений и дополнений, размывших их изначальную суть. Заметим, что термины гендер, гендерный предстают во многих работах как идеологически нагруженные, «встроенные» в контекст т.н. языковой дискриминации. И вопрос о том, сколько же у нас гендерных лингвистик, тоже не праздный. Но это уже тема для отдельной статьи.

Важно другое: употребление термина гендер к месту и нет сделало его настолько «заношенным», что, по выражению Г. Брандт, гендер у нас сегодня – все, что «про мужчин и женщин», сюда же про «любовь», «семью», словом… он про все богатство отношений между мужчиной и женщиной (Брандт 2003).

Гендер глазами русских…

Как видим, в отношении понимания и употребления терминов пол и гендер в научной парадигме знания картина неутешительная. А как «живется-можется» гендеру в обыденном сознании? Попытка выявить систему значений, которыми по принципу снежного кома обрастает это импортное, но так греющее душу слово в СМИ, в том числе и электронных, в интернет-коммуникации на блогах и форумах, выявила факты, достойные того, чтобы их не обойти вниманием. Итак, гендер и около него глазами русских…

В актуальной коммуникации мы обнаружили следующие слова и выражения с этим словом: корпоративный гендер (Корпоративный гендер. *Патриарх Кирилл (Гундяев) избавляется от «женского фактора» в своей команде* (Credo.ru, 31.03.2016), гендерный маршрут, гендерный рынок, гендерная журналистика, гендерные фотографии, гендерная статистика (= количественный состав мужчин и женщин), гендерный дисплей, гендерная коллега (***Гендерная коллега*** pigbig занимается важной темой Gender and Nation) (Livejouranal.com,7.09.2008), гендерное меньшинство, гендерное беззаконие, аниме гендер, био-*гендер* (гендер, любым образом связанный с природой), пиктогендер, гендерфлюид (человек с меняющейся гендерной самоидентификацией), гендерпарфюм, *гендер-картинки* и даже гендерный торт (торт, в котором цвета бисквита соответствует полу ребенка) и гендерпати *(gender reveal party)* (вечеринка, на которой родители рассекречивают остальным детям пол будущего братика или сестрички по цвету бисквита внутри гендерного торта).

По данным словоупотреблений, у гендера есть будущее (будущее гендера), он может оказывать эмоциональное влияние на человека (очень смешной гендер, **странный и страшный гендер**; Гендер: великий и ужасный (Kinoart.ru, 5.05.2017)), он имеет свою историю (визуальная история гендера, новости гендера), в популярном изложении он – гендер для чайников, фантазии по поводу этот чудно́го слова могут быть как гендерными, так и реверс-гендерными. Его может быть много и мало и даже кусочек (Ван пис гендер) (ср. гендер-бендер – человек, который буквально «гнёт» (*to bend* – гнуть, изгибаться) устоявшиеся роли полов; *Gender Bender* – жанр а́ртов, в котором мужских персонажей

перерисовывают в женские, а женские – в мужские). Гендер можно сосчитать: Число в 58 ***гендеров***, *выделенных экспертами для акции* «Фейсбука», условно. Их, согласно гендерной теории, может быть и больше. ***И у и, наверное, список полов можно было дать целиком, включая*** *Man и Woman* ***– мужчину и женщину*** (AiF.ru, 28.02.2014). Он также имеет свое лицо: Конкурс фотоэссе «Лики гендера» (Cogita.ru, 20.11.2012).

Вот некоторые примеры более широких контекстов, выявленные нами: Платье как гендер-нейтральная одежда (Sreda.uz, 30.08.2017); Пол и гендер: мужской, женский, общий (Русская служба BBC, 30.08.2017); РЖ вводит новую услугу: гендерные купе (News.ru, 1.07.2017); Гендерный кризис: у мужчины нет будущего (ИноСМИ, 9.04.2017); Гендер в Беларуси. Что такое сексуальная объективация (Gender.by, 11.06.2011); Каждый гендер прекрасен (Livejouranal.com, 13.11.2016); Анатомия гендера, или страшная сказка о девочках и мальчиках (Kistine.ru, 31.01.2011); Гендер. Феминизм. Битва за штаны (Consumems.narod.ru, 27.02.2015); Гендер как он есть (Livejouranal.com, 13.11.2016); Миф о красоте – не гендерная, а общечеловеческая проблема (Primerussia.ru, 19.03.2014); Демография – гендерные пропасти (Penza.omline.ru, 5.07.2017); **Министерство труда меняет гендер и выступает против женщин… (Pinterest.com, 05.09.2017);** Гендерный маразм крепчает (Ru-crasynews, 22.08.2017).

Оказывается, что импортированный на неродную социо- и лингвокультурну почву термин гендер, введенный в законодательную базу, может оказаться непреодолимым камнем преткновения юридической казуистики. Смешение понятий пол (мужской, женский), мужчина, женщина и гендер стало причиной скандала государственного масштаба в Армении: «Гендерный» скандал в Армении: Закон армянской семьи выше любого закона. Слово гендер в законе «Об обеспечении равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин» стало предметом обсуждения и вызвало возмущение в Армении. «В самом законе не используются такие слова как “мужчина” и “женщина”, в нем упоминается слово “гендер” в каждой строчке. Если убрать “гендер”, то закон потеряет смысл. Мы будем бороться за отмену закона”, – сказала Лия Аветисян (Ginsc.net, 16.08.2013). Включенный в тексты российских законов, термин гендер может стать просто опасным и привести к неоднозначным их трактовкам, предупреждает Ольга Пономарева: Иностранное понятие «гендер» не имеет однозначного русского перевода и не определено в тексте самого законопроекта. Это может привести к различным трактовкам данного понятия: не как принадлежность к тому или иному полу, а как социальная роль, зависящая от того, с каким полом себя идентифицирует то или иное лицо (гендерная идентичность). В этом случае положения законопроекта, защищающие гендерное равенство, могут приобрести совершенно иной смысл (Pravmir.ru, 15.02.2012). О положительной роли гендера в сфере правового регулирования с точки зрения равенства, недискриминации, гендерной дифференциации и нейтрализации российского законодательства см. книгу «Гендер в законе» (Лушников 2014).

По данным современного российского медиадискурса, гендер, всезнающий и вездесущий, правит миром и людьми: Гендер в законе; Архитектурой правит гендер: Лекция Аарона А.Бецки на Винзаводе (Archi.ru, 8.04.2008); Гендер и водные ресурсы (Sreda.uz, 30.08.2017); Гендерный подход включает в себя рассмотрение как практических, так и гендерных потребностей, таких, как улучшение условий для женщин посредством обеспечения водой и условиями санитарии вблизи дома (Всемирное водное видение, 1999); Шахматы и гендер (Samsud.ru, 27.01.2017); Гендер как тендер (Livejouranal.com, 16.02.2017); *«Чего хочет женщина?», или гендерный маркетинг в упаковочной отрасли* (Unipack.ru, 6/02/2013); Типы распределения гендерных ролей в животном мире (Trinixi, 19.05.2015).

Приведем еще несколько примеров, свидетельствующих о неограниченном расширении понятийного **объема и приобретении этим термином эмоционально-экспрессивной составляющей** в языковом сознании русских: Гендер – это вам не секс (Семейные секреты, 3.09.2012); Богемное нервическое существо, периодически теряющее осознание своего гендера (MIGnews, 30.08.2017); В новом году в амурских школах увеличится количество гендерных классов (2x2.su, 29.08.2017); Статистика: какой гендер принес в кино

больше сборов (Kanobu.ru, 24.08.2017); Слишком красивая для бизнесвумен*: как исправить гендерный перекос* (Graziamagazine.ru, 30.08.2017); *X* век: Святой гендер, моли бога о нас… (Страница священника Якова Кротова) – об иллюстрациях к старинным рукописям с изображениями женщин). А вот примеры самые курьезные: Как создавать гендер с помощью выражения лица (Tovaryska.info, 4.04.2014); Исполняя гендер (Петербургский театральный журнал); ***В Гос.Муже баба зачесалась***, И гендер свой превознося. Чтобы семейство не распалось, С борщём до хаты...унесся (Caricatura.ru, 14.08.2017); А гендер-то его каков! (Bibo.kz.aforismi, 5.06.2012).

Вроде всем все ясно, но вопросы остались: А это что за зверь такой – «гендер»? (Zn.ua, 02.09.2017). А вот какой: в сознании носителей русского языка это и пол, и грамматический род, и социокультурная составляющая пола, и группа людей, объединенных по половому признаку, и человек как представитель своего пола, и человек как личность, и человеческое обличье, и раздельное обучение детей разного пола, и раздельное пребывание людей разного пола, и единица счета (раньше людей по головам считали, теперь – по гендеру), и половые отношения, и супружеские обязанности, и рождаемость, и даже мужской детородный орган…Воистину, пути гендера неисповедимы. **Так же, как и сексизма** и **политкорректности**, **англоязычных терминов, перешедших в лингвистику из социальных наук, процесс «одомашнивания» и детерминологизации которых на русской почве оказался не мене ярким и выразительным (см. подробнее** Архангельская 2012, 2014, 2015). **Транспонированный на иную языковую и ментальную почву, гендер оброс бесчисленным количеством значений и коннотаций, как связанных с «генной памятью» исходного чужого слова, так и не связанных с ней.**

А вот фрагмент статьи Татьяны Крис «Как поссорились Гендер Иванович с мистером Гендером» (Частный корреспондент, 31.03.2012): В России слово гендер не любят. Не наше оно какое-то. Чужое. Я подозреваю, часть вины лежит на происхождении, ведь дядюшку Гендера породила бабушка Феминизм в середине прошлого века. Вернее, она его окрестила, дала ему свою фамилию, и представила общественности. До этого он неприкаянно болтался безымянным сиротой, на которого никто не обращал внимания. С подачи знаменитой бабушки о мистере Гендере заговорили, начали его описывать и со всех сторон изучать. Гендер расцвел, приосанился и где-то даже заважничал, потому что без него теперь ни одно официальное мероприятие или заявление на высоком уровне не обходится. Бороться против него бесполезно. Как ты его ни назови, он есть и существует, как Периодическая система Менделеева, о которой тоже догадались не сразу. Единственное, в чем можно не согласиться с автором, так это в том, что «В России гендер не любят». Ой, доведет нас **гендер до цугундера**…

Заключение.

Изучение проблем отражения гендерной составляющей в единицах языка и коммуникации, тексте и дискурсе требует внимательного, ответственного и взвешенного подхода к использованию терминов пол и гендер. Ни в коей мере не призывая отказаться от термина гендер и не отрицая возможности и необходимости использования его самого и его производных в лингвистических исследованиях, заметим, что включение термина гендер в метаязык работ не только молодых ученых, но и опытных авторов научных статей, монографий, более того – диссертационных исследований далеко от удовлетворительного и упорядоченного, что в значительной мере дискредитирует саму идею лингвистически ориентированного изучения человека в зеркале гендера.

В преобладающем большинстве случаев в объекте анализа доминирует или биологическая, или социокультурная составляющая пола, хотя нельзя не признать, что во многих случаях они очень тесно взаимодействуют. Если в центре внимания исследователя пребывает объект с доминированием пола как компонента разного уровня стратификации семантической и формальной структуры языковой единицы, огульная замена термина пол на гендер не только нецелесообразна, но и исследовательски ошибочна, ведь в единицах

языка отражается именно пол как понятийная категория во взаимодействии с грамматической категорией рода. и уже на них наслаиваются различного рода социальные, культурные и др. коннотации, которые оказываются с точки зрения гендера наиболее интересными, особенно в сопоставительном ключе. Если исследователя интересуют социокультурные доминанты пола, его культурно-символические составляющие, если в фокусе внимания оказывается *отражение* процесса и результата «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном историческом этапе, тогда целесообразным оказывается, без сомнения, термин гендер. Иными словами, употребление и того, и другого термина должно быть обоснованным и взвешенным, научно и исследовательски корректным.

Неоправданное расширение границ понятия, введение в исследовательский аппарат искусственно созданных оперативных терминоединиц с компонентом гендер ведет не только к метаязыковым неясностям и терминологическим курьезам, но и подрывает методологическую базу исследования, вследствие чего его результаты могут оказаться далекими от предполагаемых автором и сомнительными с точки зрения их объективности.

В этой связи пересмотр исследователями своего отношения к оперативным терминам метаязыка лингвогендерологического анализа кажется важным и своевременным.

Изучение функционирования слова гендер в актуальных текстах средств массовой коммуникации показало, что он стал модными и даже «уважаемыми» всем народом несмотря на его специфический и исконно терминологический статус. В результате детерминологизации на почве языка-реципиента у него начинается новая, неожиданно бурная «жизнь», что и отражается в современной картине мира носителей русского языка.

Библиография

Абдуллаева, У. Т. “Гендерный аспект кумыкского языка в сопоставлении с русским и английским языками“. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И.Герцена. Вып. 12(89). Санкт-Петербург, 2009. С.219-223.

Архангельская, А. “Сексизм в России – больше, чем сексизм (фразеологические неологизмы с компонентом сексизм в современном российском публицистическом дискурсе)“. XXI Olomoucké dny rusistů. Olomouc: VUP, 2012. S. 11-18.

————. “Новая жизнь термина сексизм в российском обществе и современной русской речи“. Съпоставително езикознание. 2014. XXXIX/2. С. 62-76.

————. “Политический американизм ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ в языковом сознании русских“. Съпоставително езикознание. 2015. XL/1. С. 85-98.

Белова, Т. М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кемерово, 2007.

Борисенко, Н. Д. Гендерний аспект репрезентації персонального мовлення в англійських драматичних творах кінця XX ст. Автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Київ: Державний лінгвистичний університет, 2003.

Брандт, Г. А. “Гендерные исследования в России: особенности и проблемы“. Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов. Самара, 2003.

Вандышева, А. В. *Гендерно ориентированная лексика в языковой картине мира:* на материале английского, русского и немецкого языков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2007.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996.

Григорян, А. А. “О гендерной маркированности имен существительных в современном английском языке“. Гендер: язык, культура, коммуникация. Москва:

МГЛУ, 2001. С. 35-36.

————. "О лимитирующей функции гендера в сфере частей речи". Вестник ИвГУ. Серия «Филология». Вып 1. Иваново, 2002. С. 91-100.

Добровольский, Д. О. end **Кирилина, А. В.** "**Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности. Гендер как интрига познания.** Москва: Рудомино, 2000. С. 19-35.

***Дробышева**, О.* В. *"**Гендерные особенности письменной речи**"*. Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Т. 1. Челябинск, 2008. С. 92-95.

Етимологічний словник української мови. В 7 т. Т.5. Київ: Наукова думка, 1986.

Ильин, Е. П. Пол и гендер. Санкт-Петербург: Питер, 2016.

Кирилина, А. В. "О ***применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании***". Филологические науки. 2000. № 3. С. 18-27.

————. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004.

————. Гендер и язык. Москва: Языки славянской культуры. 2005.

Кирилина, А. В. end Томская, М. В. "Лингвистические гендерные исследования". Отечественные записки. 2005. № 2. С 112-134.

Кирова, А. Г. "Развитие гендерных исследований в лингвистике". Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып.8(86). 2009. С. 138-140.

Ковалик, І. І. Питання слов'янського іменникового словотвору. Львів: Видавництво Львівського університету, 1958.

Лушников, А. М. end Лушникова, М. В. end Тарусина, Н. Н. Гендер в законе. Москва: ООО «Проспект» 2014.

Немировский, М. Я. "Способы обозначения пола в языках мира". Памяти ак. Н. Я. Марра (1864-1934). Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938. С. 196-226.

Першай, А. «***Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР***». Гендерные исследования. № 7-8. Харьков, 2002. С. 236-249.

Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. В 3 т. Т.3. Москва: Просвещение, 1968.

Рябов, О. В. Матушка - Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и зарубежной историософии. Москва: Ладомир, 2001.

Силасте, Г. Г. "***Социогендерные отношения*** в ***период социальной трансформации России***". Социологические исследования. 1994. №3. С. 15–22.

***Сімович**, В. "**Наша товариська мова**"*. Назустріч (Львів). Ч. 5. 1 березня 1934.

Словарь гендерных терминов. Ред. А. А. **Денисова**. Москва: Информация XXI век, 2002.

Страусов, В. Н. "Проблемы становления лингвистической гендерологии". 2008. URL: https://www.pglu.ru/upload/iblock/4e9/uch_2008_iii_00009.pdf

Трофимова, Е. И. "Терминологические вопросы в гендерных исследованиях". Общественные науки и современность. 2002. №6. С. 178-188.

Труб, В. "Про гендерні особливості деяких частин мови". UCRAINICA II. 1. Olomouc: VUP, 2006. С. 281–291.

Ушакин, С. А. "Поле пола: в центре и по краям". Вопросы философии. 1999. №5. С. 71-85.

Фекета, І. І. "Розвиток жіночих особових назв в українській мові". Мовознавство. 1975. №2. С. 21-25.

Шутова, Л. "Становление гендерной лингвистики на современном этапе". (не указана дата публикации).

URL: http://gisap.eu/node/22466

Bystroń, J. S. Nazwiska polskie. Lwów: Naklad i własność K.S.Jakubowskiego, 1927.

Daneš, F. "Ještě jednou „feministická lingvistika". Naše řeč. 1997. R. 80. S. 256–259.

Doroszewski, W. Pozmowy o języku. Warszawa-Kraków: Polsk. Radio-Brimo Wyd-wo, Seria 1. 1948.

Eisner, P. Chrám i tvrz (Kniha o češtině). Praha: Nakladatel Jaroslav Podroužek, 1946.

Gregor, A. "Přechylování v staročeštině". Sborník práci filozofické fakulty Brněnské univerzity. R.5, №. 4 (Řada jazykovědná (A). 1956. S. 37-44.

Herschauer, St. "Dekonstruction und Rekonstruction. Pladoyer fur die Efforschung des Bekannten". Feministische Studien , 1993. № 2B. S. 55-68.

Hoffmannová, J. "Feministická lingvistika? " Naše řeč. 1995. R. 78. S. 80–91.

Karwatowska, M. end Szpyra-Kozłowska, J. Lingwistyka płci: Ona i on w jezyku polskim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 2005

Kotthoff, H. "Die Geschlechter in der Gesprachsforschung. Hierarchien, Teorien, Ideologien". Der Deutschunterricht, 1996. №1. S. 9-15.

Oberpfalcer (Jílek), F. Rod jmen v češtině. Praha: Měřítko, 1933.

Šmilauer, V. Novočeské tvoření slov. Praha: SPN, 1971.

Vaculín, I. "Slova. Otázky feminismu". Hospodářské noviny (Praha., 2000 (25.02).

Valdrová, J. "K české genderové lingvistice". Naše řeč. 1997. R. 80. S. 87–91.

Věšínová, E. "Úvaha na téma „Čeština a žena"". Naše řeč. 1998. R. 81. S. 21–28.

Zabrodská, K. Variace na gender. Poststrukturalismus, diskurzivní analýza a genderová identita. Praha: Academia, 2009.

1 Статья подготовлена при поддержке гранта FPVC2017/01 Žena v novém ukrajinském slovníku: lingvoekologický rozměr, финансируемого Министерством образования, молодежи и спорта Чешской Республики и Фондом поддержки научной деятельности профессорско-преподавательского состава Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце.